

Дацышен В.Г.

Российские регионы в работах зарубежных исследователей: «Сибирская республика Тува» индийского историка Ш.К. Сони

The Russian regions in works of foreign researchers: «Siberian republic Tuva» of Indian historian S.K. Soni

История российских регионов вызывает неизменный интерес у зарубежных исследователей. Однако, зачастую, иностранные историки игнорируют российские архивы и работы местных ученых. В результате возникает крайне упрощенная и значительно искаженная картина исторического развития российских регионов. В качестве примера можно привести статью известного индийского историка Шарада К. Сони «Сибирская республика Тува» [10, с. 269].

Работа Ш.К. Сони была опубликована в переводе на русский язык в 2008 г. в сборнике материалов состоявшейся в Калькутте конференции «Россия в Азии: перспективы партнерства и взаимодействия». Благодаря этой публикации научная общественность получила возможность познакомиться с современным уровнем знаний и представлений по истории указанного сибирского региона за рубежом. Сразу следует отметить, по мнению индийского историка, Тува является «самой небольшой и отдаленной республикой в составе Российской Федерации». Не вполне понятно, что скрывается за выражением «самая небольшая и отдаленная», но Тува действительно является уникальным во всех отношениях регионом. Здесь уместно отметить, несмотря на то, что уже в XVII-XVIII вв. работы изучавших Туву русских и состоявших на службе в России европейских путешественников и исследователей, стали достоянием мировой науки, и сегодня даже серьезные зарубежные ученые представляют этот регион лишь в виде «этнографической экзотики». Показательно, известный японский исследователь Тодорики Масахико, автор работы «Тува и Южная Сибирь», в предисловии к историко-картографическому исследованию «Старые карты Тувы» написал: «Тувинцы достигли международной известности из-за их горлового пения хоомей и почтовых марок. Тува стала также хорошо известна благодаря известному физика Р. Фейнману» [12, р. 3].

Ш.К. Сони принадлежит к числу современных историков, достаточно широко известных не только в своей стране, но и за рубежом, в Европе, США, Китае¹. Специализируясь на проблемах истории Цен-

ДАЦЫШЕН Владимир Григорьевич, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: dazishen@mail.ru

¹ 45-летний доктор Шарад К. Сони является сотрудником Школы международных исследований Университета Джавахарлала Неру (Assistant Professor at the Central Asian Studies Division, Centre for South, Central, Southeast Asian and Southwest Pacific Studies,

тральной Азии, он продолжает известную традицию изучения истории региона через призму «Большой Игры» (The Great Game). Данный подход, являясь популярным в англо-саксонской историографии, имел прочные позиции в Британской Индии, а сейчас мода на него возродилась и в России [6]. Статья «Сибирская республика Тува» написана не «по случаю». Ш.К. Сони является автором целой серии известных монографических исследований по истории Монголии и международных отношений в регионе [14; 15]. В частности, проблемы истории Тувы и русско-тувинских отношений он уже рассматривал в своей известной монографии «Монголо-русские отношения: от Кяхты до Владивостока» [14, p. 73-81]. В ситуации повышения интереса отечественных историков к зарубежным исследованиям, целесообразно сравнить защищаемые индийским коллегой подходы и концепции с имеющимися у нас фактами и документами по данному поводу.

В начале своей статьи Шарад Сони заявляет: «Подоплека вхождения Тувы в состав бывшего СССР отражает всю историю российско/советско-китайского соперничества за доминирование в монгольском приграничье. И это соперничество, в котором Россия одержала победу над Китаем, претендовавшим на установление контроля над Тувой, всегда мешало попыткам объединения Тувы с Монголией на основе общих этнических и культурных связей» [10, с. 269]. Данный принципиальный тезис дается со ссылкой лишь на статью старейшего американского советолога и монголоведа Роберта Артура Рупена, но без учета богатейшей российской историографии¹. Что касается тувинско-монгольской «общности», то уже первая русская экспедиция в этот регион 1608 г. информировала: «ясашные люди алтыновы от Алтына-царя отступили и с ним воюютца» [9], а в современной науке тувинско-монгольские противоречия нередко ставятся в качестве самостоятельного предмета исследования [7], проблема и сегодня не теряет своей актуальности [2]. Та мысль, что русско-китайское соперничество стало непреодолимым препятствием для объединения Монголии и Тувы, не нова, но уважаемый коллега из Индии, как и его предшественники, почему-то не стал затруднять себя поисками фактов и доказательств.

Говоря об истории Тувы в составе Цинской империи, автор пишет, что вся ее территория вошла в состав монгольского Сайн-нойон-ханского аймака [10, с. 270]. На самом же деле, в XVIII в. чиновником, назначаемым правителем Саин-Нойоновского аймака, управлялся лишь Бээзи (Бэйсэ Хемчикский) хошун, некоторые тувинские сумоны были под властью правителя Цзасахту-хановского аймака, но подавляющее большинство территории и населения современной Тувы были объединены в аймак под властью наследственного тувинского амбын-нойона [3; 4; 5; 13]. Фактически Тува в составе Цинской империи представляла из себя территориально-национальное автономное государственное образование во главе с амбын-ноеном. Правителю Оюнарского хошуна, за которым была закреплена должность амбын-ноена, подчинялись наследственные владетели Тоджинского, Салчакского и Хемчикского хошунов. А по ряду вопросов ему подчинялись и принадлежавшие монгольским феодалам Бээзи хошун, Сартул, Шалык, Маады и Чооду сумоны. Таким образом, формирование тувинской государственности в недрах Китайской

School of International Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India). В 2005-2006 гг. он работал в качестве приглашенного преподавателя в Школе международных исследований Пекинского университета, а, кроме того, работал в Монголии, Европе, США.

¹ В своей работе автор не упоминает даже вышедшую в Новосибирске накануне конференции обобщающую коллективную монографию по рассматриваемой теме: История Тувы: В 3 т. Т. II / Под общ. ред. В.А. Ламина. Новосибирск: Наука, 2007. 430 с.

империи напрямую не было связано ни с «Большой Игрой», ни с русско-китайскими отношениями. Более того, именно китайско-монгольские противоречия были важнейшим фактором «обособления Тувы».

Вызывает вопросы следующий тезис: «...царская Россия стала проявлять интерес к идее присоединения Тувы. Первый шаг в этом направлении был сделан в ноябре 1911 г. после того, как в результате успешной борьбы против маньчжурского господства во Внешней Монголии было провозглашено создание автономного государства» [10, с. 272]. Не вполне понятно, что имеется в виду под «царской Россией», если речь идет о власти и обществе в лице ее заметных представителей, об общественном мнении, то в России всегда было достаточно много сторонников немедленного присоединения Урянхайского края. Например, об этом говорилось в известной работе «Рассуждение о предприятии войны с китайцами, сочиненное в 1763 г. коллежским советником и Академии Наук профессором бывшим действительным статским советником и кавалером Миллером». Если же говорить о 1911 г., то уже в «Протоколе Совещания под председательством Иркутского Генерал-Губернатора Егермейстера Двора Его Императорского Величества Тайного Советника Князева» от 28 февраля 1911 г. было записано: «Было бы очень важным фактором в нашу пользу, если бы урянхи сами добровольно отказались платить подати Китаю, оставаясь на первое время перед китайским правительством вне чьего либо подданства. На эту меру, может быть, урянхи пойдут с известной готовностью, как обеспечивающую развитие их благосостояния, но необходимо будет поддержать Амбань-нойона нашим небольшим отрядом, чтобы обеспечить за ним безопасность со стороны китайских властей и подчинить ему другие мелкие урянхайские власти. Потом было бы возможным, оставляя урянхов под нашим влиянием, ввести среди кочевников необходимые реформы, не затрачивая на них русских средств и заселяя беспрепятственно страну, а потом постепенно и присоединить край» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 771. Л. 21). Таким образом, «первый шаг был сделан» не только до объявления монголами своей независимости, но и до начала Синьхайской революции, и совершенно вне прямой связи с этими событиями.

Не подтверждается документами и заявление уважаемого индийского ученого (со ссылкой на того же Р.А. Рупена) о том, что: «большинство коренных тувинцев разделяли это стремление (войти в состав Монголии – В.Д.), о чем свидетельствует тот факт, что в 1912 г. даже тувинский амбань-нойон Комбу Доржу обратился к правительству в Урге с просьбой о включении Тувы в состав Монголии» [10, с. 272]. Хорошо известно, что еще 15 февраля 1912 г. Комбу Доржу и его сторонники обратились к российскому правительству с заявлением об отделении Урянхия от Монголии и просьбой о покровительстве. В секретном рапорте Усинского пограничного начальника А.Х. Чакирова от 25 мая 1912 г. сообщалось: «В феврале урянхи объявили себя независимыми во главе с Амбань-нойоном, имея в виду перейти в подданство России» (АВПРИ. Ф. 143. Д. 3113. Л. 117). Об этом же писал еще в марте 1912 г. министру иностранных дел С.Д. Сазонову глава Первого департамента МИД Г.А. Казаков, то же можно прочитать в переписке между Ургой и Улясутаем. Таким образом, почти все правители тувинских хошунов первоначально ориентировались на российское покровительство, и лишь не дождавшись ответа на свои предложения со стороны русских властей, обратились за покровительством к Урге, и последним это вынужден был сделать сам Комбу Доржу.

Представляется крайне упрощенным следующий тезис: «Тува осталась под российским протекторатом вплоть до 1917 г.» [10, с. 273]. В годы революции и гражданской войны ситуация была настолько про-

тиворечивой, что однозначные и упрощенные оценки сильно искажают реальность. Действительно, на заседании съезда русского населения Урянхайского края 16 июня 1918 г. была принята резолюция: «Заслушав решение сойотского народа о самоопределении, в силу которого весь сойотский народ объявляет себя отныне совершенно самостоятельным, не зависимым ни от кого народом, краевой съезд представителей русского населения в Урянхае приветствует это решение сойотского народа» (ЦГАРТ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 25. Л. 48). Но это было лишь подтверждение большевистской политики «права наций на самоопределение», а не решение проблемы государственного устройства Тувы. В «Обзоре деятельности Советских учреждений с января по 1 августа 1920 г.» Енисейской губернии отмечалось: «что касается Усинско-Урянхайского края, то с самого переворота и до настоящего времени его политическое положение остается не выясненным. Поэтому по отношению к этому краю Губернским Управлением милиции принято лишь выжидательное положение» [8]. Антисоветские правительства в России вообще не ставили под сомнение факта протектората над Тувой, а тувинские лидеры искали покровительства и у правительства Колчака, которое удовлетворило просьбу Камбо-ламы Лопсан-Чамзы и нойона Буян-Бадырғы об отправке в 1919 году тувинской делегации в Омск [11].

Уважаемый индийский историк пишет «Советский период в истории Тувы начался только в 1921 г.» [10, с. 273]. Как известно, советизация Тувы началась сразу же после Октябрьского переворота 1917 г. Насколько же начало 1920-х гг. были «советским периодом» можно судить по документам: советский представитель Н.М. Медведев на заседании Райбюро РКП(б) 24 марта 1923 г. докладывал: «Директивы Н.К.И.Д. о вызове самодеятельности Танну-Тувинского народа можно считать выполненными. Физиономия правительства сейчас достаточно ясна – оно преследует цели, обратные нашим, по социально-политическому составу оно буржуазное» (ГАКК. Ф. П-7031. Оп. 1. Д. 3. Л. 63).

Далее Шарад Сони пишет, что в 1921 г. «Тува была признана Советской Россией» [10, с. 274]. Но документы не подтверждают это заявление. Например, в отправленной 1 сентября 1921 г. в Кызыл телеграмме говорилось: «Сиббюро ЦК РКП получена от Вас телеграмма о том, что Урянхай на своем съезде провозгласил свою государственную необходимость, фактически край остается под протекторатом Советской России. Сиббюро ЦК РКП считает нужным указать, что оно не разделяет той линии, которую, по-видимому, Вы проводите в Урянхае. Установление протектората Совроссии над Урянхаем будет большой политической ошибкой и вскоре испортит наши отношения с Монголией. С нашей точки зрения, Урянхай должен входить на широких автономных началах в состав Монголии» [1]. Противоречивость ситуации достаточно хорошо отражена в секретном Информационно-политическом письме № 1 Сибревкома и Сиббюро РКП(б): «Населяющие этот край сойоты относятся антогонистически к монголам /и китайцам/, рассматривая их как пришельцев завоевателей ... Сиббюро поэтому считало, что политика в Урянхайском вопросе должна быть такой: Советская Россия не покушается на Китайский суверенитет в Монголии и на суверенитет Автономной народно-революционной Монголии в Урянхкрае: Монголия входит в состав Китая на федеративных началах, а Урянхкрай – на широких автономных началах в состав Монголии... По последним сведениям ЦК и Наркоминдел полностью одобрили линию Сиббюро» (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 110. Л. 6-7). Таким образом, документы говорят, что тувинское общество и правители тувинских хошунов поддерживали идею развития своей государственности под покровительством России, но советские лидеры, признавая право тувинцев на самоопределение, были против

советского покровительства, а настаивали на вхождение в состав Монголии, хотя и на автономных началах. И даже в 1923 г. в официальных документах говорилось: «Урянхайский вопрос пока еще не принял более или менее конкретных и определенных норм» (ГАКК. Ф. П-7031. Оп. 1. Д. 13. Л. 13).

Не подтверждается документами следующий тезис: «В начале 1920-х гг. премьер-министр Тувы К. Дондук объяснял: “Тувинский народ... должен объединиться с Монголией”. В 1924 г. тувинцы даже пошли на крайнюю меру и объявили о своем присоединении к Внешней Монголии. Однако они потерпели неудачу, после того как для подавления беспорядков были присланы советские войска, успешно справившиеся с поставленной задачей» [10, с. 275]. Что касается отправки советских войск для подавления восстания в 1924 г., то по этому поводу есть много документов. Например, в письме Я.С. Чугунова к С.К. Кочетову говорится: «Районное Бюро ставит Вас в известность о своем постановлении, состоявшемся 12 апреля 1924 года по вопросу военных действий Кемчикском районе. Принимая во внимание политическую обстановку Урянхая, РайБюро находит невозможным ведение военных операций, характер которых будет иметь вид «объявления войны Кемчуку» при активном участии колониетских частей. Указанное положение ясно, что должно вылиться в форму войны русских с тувинцами отчего мы безусловно должны в настоящей обстановке воздержаться» (ГАКК. Ф. П-7031. Оп. 1. Д. 12. Л. 6). Прямой запрет на подавление с помощью советских частей восстания 1924 г. в Туве исходил от самого наркома Г.В. Чичерина (ГАКК. Ф. П-7031. Оп.1. Д. 11. Л. 40). Восстание действительно было ликвидировано, но, как докладывали из Тувы: «Для обороны и ликвидации Кемчикских бандитов по предложению Урянх-правительства создан совместно с Колонией Урянхайско-Колонистский штаб, располагающий весьма ограниченными силами Урянх-правительства и Колонии. В штаб вошли два представителя от Урянх-правительства и два от РСТК» (ГАКК. Ф. П-7031. Оп. 1. Д. 12. Л. 3). Но не только не вводилось советских войск для подавления восстания, но вообще никаких активных военных действий не велось. Что же касается тезиса «о присоединении к Внешней Монголии», то по этому поводу можно привести Ноту МИД Тувы МИДу МНР от 29 февраля 1924 г.: «МИД считает, что Танды-Тува наша исконная Родина и не принадлежит Монголии. Народное Правительство Танды-Тувы просит уважаемое правительство Монголии прекратить издевательские переписки и установить с нами дружеские отношения» (ЦГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 306. Л. 28). Конечно же, в Туве в этот период имели место «промонгольские настроения», и Я.С. Чугунов докладывал: «Вопрос о присоединении к Монголии принадлежит инициативе Буяна-Батарху, Нимичжаба, Хамбы-ламы, Нармандыху и др...» (ГАКК. Ф. П-7031. Оп. 1. Д. 8. Л. 62). Однако документы доказывают, что тувинская элита поднимала «монгольский вопрос» для давления на Москву в своих интересах, и в интересах региона, в частности так Буян-Бадыргы реагировал на отстранение большевиками от власти своего «соратника» в деле создания Тувинской республики И.Г. Сафьянова.

Недостаточно убедительной представляется точка зрения, что Тува де-факто была признана в июле 1924 г. [10, с. 275]. Советский представитель Я.Х. Давтян писал в Совмин ТНР 3 июля 1924 г.: «Вопрос о дальнейшем существовании Танну-Тувы (Урянхая) был оставлен открытым при переговорах Монголии с СССР и не получил окончательного разрешения. Советское Правительство всегда считало и считает, что воссоединение Урянхая с Монголией должно произойти не путем насильственного порабощения Монголией тувинского народа, а путем длительного

процесса сближения обоих народов в их освободительно-революционной работе» (ЦГАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 14). Несомненно, процесс признания де-факто существования Тувы имел место уже в 1921 г., и завершился он признанием Тувы де-юре в 1925 г., когда было подписано Соглашение об установлении дружественных отношений и обмене дипломатическими представительствами между СССР и ТНР, а так же принято решение о признании независимости ТНР на II Великом хурале МНР.

Подводя итоги, можно сказать, что уважаемый индийский коллега, не имея возможности опереться на богатую источниковую базу изучаемого вопроса, отчасти уже введенную в научный оборот российскими исследователями, воспроизвел устаревшую и крайне упрощенную концепцию истории Тувы, закрепившуюся в западной историографии много десятилетий назад. Сама цель научной статьи, показать, как Москве «удалось помешать объединению монголов и тувинцев», уважаемым коллегой поставлена не правильно. Документы наглядно показывают, «мешала Москва объединению монголов и тувинцев», или «помогала объединению монголов и тувинцев», что на самом деле тоже имело место, не это определяло процесс становления и развития тувинской государственности, который шел параллельно с процессом интеграции Тувы в единое политическое, экономическое и культурное пространство России. Нахождение Тувы в составе российской Сибири является результатом не «Большой Игры», не российско-китайского соперничества, а сложных и противоречивых объективных процессов развития народов Евразии. Полагаю, что активизация международного сотрудничества историков в деле выявления и введения в научный оборот исторических документов, позволит вывести историческую науку на новый уровень, а в частности, и ликвидировать крайне упрощенные и устаревшие концепции истории российских регионов, сохраняющиеся в зарубежной историографии.

Литература

1. Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.) / Сб. док. Новосибирск, 1996.
2. Дацышен В.Г. Потенциал конфликтности в зоне российско-монгольской границы в Туве // Международные процессы. Т.3. № 1 (7). 2005. С. 79 – 86.
3. Дацышен В.Г. Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616-1911 гг. Томск, 2005.
4. История Тувы. Т.1. Новосибирск, 2001.
5. Маннай-оол М.Х. Тувинцы: Происхождение и формирование этноса. Новосибирск, 2004.
6. Обухов В.Г. Схватка шести империй. Битва за Сынцзыан. М., 2007. 512 с.
7. Оюунбилэг Т. Пограничный конфликт Монголии и Тувы и его причины. // Монголия-Бурятия-Тува-Иркутская области: развитие, взаимодействие, и вызовы внутри и вокруг Байкальского региона. / Материалы международного семинара. Улан-Батор, 2002.
8. Полгода в Советской власти в Енисейской губернии. Красноярск, 1920.
9. Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т.I. М., 1969.

10. Шарад Сони. Сибирская республика Тыва // Россия в Азии: перспективы партнерства и взаимодействия: Сб. мат. Новосибирск, 2008.
11. Dacysen V. Le Sangha de Touva Durant le protectorat Russe (1911-1921) // *Slavica occitani*. Toulouse. 21. 2005. P.401-411.
12. Old Maps of Tuva 1. The detailed map of the nomadic grazing patterns of total area of the Tannu-Uriankhai. Ed. Todoriki M. Tokyo, 2008.
13. Old Maps of Tuva 2. Tannu-Uriankhai Maps in Eighteenth Century China. / Ed. Todoriki M. Tokyo, 2009.
14. Soni Sharad K. *Mongolia China Relations: Modern and Contemporary Times*. New Delhi: Pentagon Press, 2006.
15. Soni Sharad K. *Mongolia-Russia Relations (Kiakhta to Vladivostok)*. Delhi, 2002.